

Александр МЕЛЬНИК

ВРЕМЯ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ

Книга стихотворений

Бельгия, Льеж

2024

Мельник А.В.

Время летучих мышей: Книга стихотворений. – Бельгия, Льеж, Maison de la Poésie d'Amay, 2024 – 81 с.

В пятую книгу живущего в Бельгии поэта и президента ассоциации «Эмигрантская лира» Александра Мельника включены стихи, написанные с 2018 по 2024 годы.

ISBN 978-2-491481-18-6

© А.В. Мельник, 2024

© Imprimerie de la Maison de la Poésie d'Amay, Belgique, 2024

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Поэзия – только часть многосторонней природы Александра Мельника, этого неумолимого странника, поэта и прозаика, доктора наук и предпринимателя, культуртрегера, организатора поэтических конкурсов и фестивалей по всему свету и к тому же главреда, пожалуй, самого яркого литературного журнала русского зарубежья – «Эмигрантской лиры». Но именно эта часть высвечивает его характер целиком, – в мелочах и деталях, которые он выхватывает из пёстрой мозаики мира, в именно таких, его собственных, реакциях на происходящее мельтешение событий, в именно таких образах и сравнениях. В сущности, стихи – это оговорки того, что мы обычно скрываем в бытовом или формальном общении с современниками. А лирический герой легко «выбалтывает» то, чего бы не надо говорить автору: тут и крупинцы горького опыта, и самоирония, и внезапно расцветший сантимент... Вот пример: разве такое скажешь кому придётся?

Хочется девственных гурий в бикини,
сладкого сна в гамаке.

А в стихах это можно, особенно когда себя же и одёрнешь, ибо тогда получается снисходительная насмешка над собой, гротеск:

...Не проведёшь воробья на мякине –
осень плывёт по реке.

Осень человеческого возраста – это творческая зрелость, иначе говоря, – то, что древние греки называли высшим достижением, или асте. Но осень у нашего поэта немного иная: она у него, как и земная ось, «чуть наклонена», – с такого утверждения, с первой же строчки начинается «Время летучих мышей», пятая книга его стихов. А этот наклон – небольшой, но очень существенный, искомый многими, – получается в результате эмиграции, дающей драгоценное для литературного творчества «остранение», о котором писал ещё Виктор Шкловский! Поэтому вряд ли в оставленном нами отечестве, в его столицах или на просторах от Молдовы до Забайкалья могло бы вылиться такое

горько-пряно-пьяное стихотворение, с эпиграфом из такого же странника, якобы «торгующего родиной»:

Давно уж за полсотни, но в мозгу
я тот же мальчик, злящийся на згу
за то, что никогда её не видел.
«Там, за бугром, одна лишь зга вокруг!».
Есть многое на свете, милый друг,
что и не снилось девочке из МИДа.

Она всю душу вкладывает в ложь,
но на мякине нас не проведёшь.
Приди, родная, в мой bookshop под вечер.
Ну что ты так приклеилась к Кремлю?
Ты любишь ром? И я его люблю!
Иди, я обниму тебя за плечи,

и прочитаю лучший свой стишок.
Да что ты всё про путинский рывок!
Оставь его отжившим и не жившим,
а нам с тобой, нормальным русакам,
скакать всю ночь, как свежим рысакам,
по бесконечной простыне Парижа.

Не так ли Маяковский звал к себе в Москву Эйфелеву башню,
а с ней заодно и красивую барышню Татьяну Яковлеву, мол, «иди
сюда, / иди на перекрёсток / моих больших / и неуклюжих рук»?

Решайтесь, башня, –
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
Идемте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам –
я
вам достану визу.

Но ни Татьяна Яковлева к Маяковскому, ни – в обратном
направлении – мидовская барышня к Мельнику, понятное дело, так
и не пришли. Эмиграция – это пропасть. Но, судя по стихам, это не
обязательно драма. Это могут быть и взмахи бабочкиных крыльев,
вызвавшие волнение в листве и даже ожидание бури, это могут
быть любовные «выкрутасы», нежности, грубости и некоторые

неблаговидности, вплоть до амуров на полу, ввинчивание штопора в тугую пробку и пенистое божолее...

Но оставим упреки до критической рецензии уже по выходе книги. Лучше развернём географическую карту Мира, коих немало разворачивал, да и сам их чертил наш поэт-геодезист. Далее в книге мелькают названия городов и стран самых экзотических: Бомбей, Агра с несравненным Тадж-Махалом, Рио-де-Жанейро, Сидней – you name it — и краткие стихотворные наброски для памяти, как это делает обычный турист. Но наш стихотворец не турист, он разъезжает по свету с определённой миссией, устраивая во всех этих местах поэтические фестивали под флагом «Эмигрантской лиры»! Его журнальные отчёты триумфальны, и это, несомненно, его зенит, когда разносторонние способности, помогая одна другой, сливаются воедино.

Но лирический герой из книги стихов опять говорит лишнее, выдаёт неуверенность, затаённую неудовлетворённость души, и автор не в силах ему помешать, – на пределах искренности перед собой (и читателем) он может только признать правду.

Я вам пишу, и чувствую при этом,
как бьётся сердце – ровно и без сбоев.
Мне никогда уже не стать поэтом,
зато я был всегда самим собою.

Но полная ли это правда? Да, это надир, нижняя точка, она неизбежна, и не один признанный корифей страдал от подобной муки. Но именно с нижней точки, трезво осознанной, начинается восход. И действительно – далее в книге я нахожу немало тонких лирических зарисовок, глубоких наблюдений, афористических выводов и даже – voila! – великолепных классических стансов.

Станешь ли, Русь, ты гудящим Клондайком?
Выйдет ли воля закрученным гайкам?
Сгинет ли каменно-бронзовый Ленин,
сдавший сограждан в унылый колхоз?
Новая ль кровь заструится по венам,
иль помешает привычный тромбоз?

Но я не буду цитировать дальше, пусть читатель сам прочитает это превосходное стихотворение в книге. Не обойдусь лишь без последней строфы.

Водка забулькала слева над ухом,
справа Петруха чихвостил непруху,
сон испарился в мгновение ока –
отяжелевший от сонма грехов,
я возвращался всё дальше к истокам
то ли судьбы, то ли этих стихов.

Я ждал от Александра Мельника этих слов: ведь только когда судьба становится неотличима от стихов, именно там и тогда начинается поэт. Пусть эта книга – лишь грань, лишь одна сторона его незаурядной личности. Вкупе с другими, с его бурной культурной деятельностью, с поэтическими конкурсами и международными фестивалями она создаёт, может быть, кубистический, но узнаваемый портрет нашего выдающегося современника. Из всех других граней для меня всего дороже его детище – журнал «Эмигрантская лира», которым он дирижирует в качестве главного редактора уже более 10 лет. И что ж? На этом инструменте он и сам играет порой, и не хуже иных «оркестрантов», печатающихся в поэтической рубрике. Откройте книгу и убедитесь.

Дмитрий Бобышев

Шампейн, Иллинойс (США). Май 2024 г.

Время летучих мышей

ИГРА

Земная осень чуть наклонена.
Волчком из детства крутится стена
вокруг меня, хмельного забияки.
Одна мечта – постыдно не упасть
в давным-давно раскрывшуюся пасть
забвения – прожорливой собаки.

Не пол, а полюс ластится к стене.
Скажи мне, чёрт, где истина – во мне,
в жене, в вине, а может просто в Лете?
Смеётся Бог над пьяной ерундой,
но я опять за вспыхнувшей звездой
ползу вперёд в расставленные сети.

Пусть подо мной опять кренится пол,
игра со смертью – тот ещё футбол,
унылый эндшпиль с неизбежным матом.
В густой ночи горит Полярный рай –
оттуда Павел в «Галатасарай»
по Скайпу шлёт послание к фанатам.

* * *

Над вспыхнувшей геранью паутина
поблёскивает в солнечных лучах.
Паук, от маеты устав рутинной,
эстет в душе, погрязший в мелочах,

скукожился и слушает вполуха,
сквозь дрёму, овладевшую двором,
как хочет жить измученная муха,
опутанная липким серебром.

День клонится к концу, и то и дело
в тенётах завершается полёт.
Когда-нибудь придёт и твой черёд
задуматься, зачем герань горела.

* * *

Лето прошло в ожидании лета,
только не жалуйся, брат.
Штиль – и корсарская песенка спета,
скажет бывалый пират.

Ветер качает промокшие клёны
после дождливого дня.
Юная девушка смотрит влюблённо
в сторону, мимо меня.

Хочется девственных гурий в бикини,
сладкого сна в гамаке.
...Не проведёшь воробья на мякине –
осень плывёт по реке.

* * *

Но, стало быть, мозги не утекли,
когда на смену ушлой ностальгии
по вечерам на краешке земли
целует нежно в шею невралгия.

А по утрам берёт за горло нудь –
ты ударяешь лбом её по зенкам,
или легонько гладишь по коленкам,
чтобы прошла нахлынувшая муть.

У глобуса поскрипывает ось –
мелькают континенты под рукою.
Пусть говорят – он жил с покоем врозь.
А что покой? В пути не до покоя...

ВРЕМЯ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ

На каменной стене вдоль сонного канала
наохлившихся чаек вытянулся ряд –
стоят настороже, как будто ждут сигнала,
чтоб, крыльями взмахнув, направить свой отряд

в светлеющую высь на поиски прокорма –
рыбёшек, мелких птиц, оставленных яиц,
да мало ли чего? Даёшь дневную норму!
Да здравствует пьянящий воздух без границ!

Парить над суетой на пару со свободой,
прицельно с высоты пикировать на рыб –
в гармонии с собой, природой и погодой,
не замечая слов «война» и «недосып».

Когда-то я и сам у крохотной речушки
стать птицей возмечтал, чтоб, крылья распрямив,
подняться над родной отеческой лачужкой,
над стужей голых рощ и стынью сжатых нив.

И что же? Улетел! Клевал сначала крошки,
потом ловил форель в стремительных ручьях,
от быта к бытию прокладывал дорожки,
поднаторел в боях, но не был в холуях.

Недолог божий день – пернатые всех видов
летают над землёй, закатанной в бетон,
и в поисках еды быстрее иных болидов
проносятся порой. Так было испокон

веков, но темнота становится всё гуще,
всё явственней звезда мерцает в вышине.
Победу или смерть готовит день грядущий,
а чайки снова спят на каменной стене.

Не сразу разберёшь – то сумрак или тучи
висят, а среди них мелькают взад-вперёд
ночные существа – колонии летучих
мышей сменили птиц. Пришёл и их черёд.

Всем хочется летать – и чайкам, и вампирам.
Попробуй-ка поспи весь день вниз головой!
Когда приходит ночь и темень правит миром,
выходит вурдалак за кровью чумовой.

Послушаешь иных – аж кровь застынет в жилах.
Конечно, это бред, но всё же по ночам
нет спасу от мышей отряда рукокрылых
лягушкам, комарам, а также рифмачам.

Всем смутным временам присуща эта участь –
чем беспросветней мрак, тем чаще буквой зет
летают упыри, тем выше их живучесть.
Но даже в тёмный век врывается рассвет.

* * *

Я дроблю пространство на маленькие острова,
потому что нельзя объять необъятное,
устраиваю кораблекрушения, и невиданная трин-трава
показывает всё, что под нею спрятано.

В шалаше одному не рай и не наслаждение,
но зато живёшь в ожидании Робинзона,
забываешь о женщинах и прочих наваждениях,
засыпаешь, прижавшись щекой к песчаному лону.

Переварив по кусочкам пространство, я наутро
принимаюсь за время, возмнившее о вечности,
прокручиваю день за днём прожитую кама-сутру
и преисполняюсь мудрости и беспечности.

Нобелевский лауреат Н. признался, что время
существует лишь за пределами этой жизни,
а то, что тикает в голове, скорее
всего выдумка средневекового шизика.

На самом деле я понимаю, что время и пространство
вне меня мертвы, даже если они существуют.
Фактически я дроблю сам себя – хулиганство
простительное для шизофреника, но почему я

до сих пор не распался на атомы – непонятно.
Видимо, физические законы надо мной не властны.
Ну и слава богу, хотя терпеть себя неприятно.
Одна надежда, что Вселенная отбросит ласты.

* * *

*«...и кроме родины, ничем я не торгую»
Лев Лосев*

Давно уж за полсотни, но в мозгу
я тот же мальчик, злящийся на згу
за то, что никогда её не видел.
«Там, за бугром, одна лишь зга вокруг!».
Есть многое на свете, милый друг,
что и не снилось девочке из МИДа.

Она всю душу вкладывает в ложь,
но на мякине нас не проведёшь.
Приди, родная, в мой bookshop под вечер.
Ну что ты так приклеилась к Кремлю?
Ты любишь ром? И я его люблю!
Иди, я обниму тебя за плечи,

и прочитаю лучший свой стишок.
Да что ты всё про путинский рывок!
Оставь его отжившим и не жившим,
а нам с тобой, нормальным русакам,
скакать всю ночь, как свежим рысакам,
по бесконечной простыне Парижа.

* * *

Сгорает век. Стеснительно и робко
стучатся в дверь иные времена,
и я, как штопор, ввинчиваюсь в пробку,
чтоб смерти дать напиток допьяна.

Земля ещё кружится по орбите,
вокруг шумит вселенский кавардак.
Что значит жить? Вдоль путеводной нити
идти из мрака в непроглядный мрак.

Над миром снова небо заалело,
сверкнуло солнце в капельке росы,
и то, что ночью ныло и болело,
опять поёт и смотрит на часы.

* * *

И умный, и дурак – потомки Иафета,
один кричит «И-а!», другой читает Фета.
«Сегодня ты мудрец, а завтра хоть потоп», –
заметил в шутку Ной, открыв окно ковчега.
Пока фортуна ищет место для ночлега,
стопарик пропусти, не стой, как остолоп.

Пока, пока, пока... – как много в этом звуке
витальной чепухи и страха смертной муки.
Судьбу не искушай, а попросту вкушай,
впускай в себя поток летящей в бездну жизни.
По правде говоря, мудрец – обычный шизик,
желающий собрать за смертью урожай.

Глупыш, болван, балбес, дубина, простофиля
не носит в голове подобного утиля –
дурачится, чудит, бухает наконец,
полюбит без ума какую-нибудь врушу,
чтобы потом отдать за правду-матку душу –
и знает только Бог, кто истинный мудрец.

* * *

Запорошило звёздной пылью
глаза, и я ослеп на миг,
но за спиной шуршали крылья,
что ты мне одолжил, шутник –

мой ангел, мой хранитель. Страхи
растаяли в один момент.
Я был влюблённым вертопрахом,
а ты кричал: «Держись, студент!».

Плыла небесная эскадра
по бесконечному пути,
и яркой точкой впереди
в ночи горело слово «завтра».

* * *

Коты проходят косяками
сквозь толщу воздуха к окну,
следят полдня за облаками,
потом опять идут ко дну.

Кошачья жизнь – другим наука.
Там хорошо, но лучше – тут.
Свобода, брат, такая штука –
с ней много корма не дадут.

Мурлычь себе, пока хозяин
хрустит солёным огурцом,
а что коты других краин
его считают подлецом –

так то завидуют, наверно.
...Сгустился воздух у окна,
и свет потух закономерно,
и было сладко в царстве сна.

* * *

Окружённый котами, рифмами и мечтами,
озираешься в поисках выхода, но тупик
наплывает, становится мраком в оконной раме,
сквозь который доносится тонкий мунковский крик.

Через стёкла сочится едкая безысходность,
попадает в лёгкие и раздражает глаза.
Не бесплодность сююминутного, а бесплотность
вечного парализует и гонит под образа:

«Вседержитель, уйми огонь и медные трубы,
удали из квартиры потусторонний мрак!» –
и любимая женщина снова целует в губы,
и беснуются рифмы на фоне кошачьих драк.

Спасительный редут

* * *

Ты мне передала весёлую беспечность –
я снова сыт и пьян любовью чумовой,
хоть муравьиный век и мчится в бесконечность,
сливаясь где-то там с небесной синевой.

Горит бикфордов шнур – незримая реальность,
с которой надо жить и не сойти с ума.
Спасают пофигизм и провиденциальность,
два качества, с рождением данных задарма.

Когда-нибудь рванёт – ну, стало быть, так надо.
Спасительный редут исчезнет – ну и пусть.
...Ты знаешь лучше всех, что это всё бравада.
Сотри, сотри скорей губами эту грусть!

* * *

Через десять-пятнадцать минут
от дверного звонка в одночасье
сон исчезнет бесследно, и тут
долгожданное явится счастье.

Через двери ворвётся прибой,
разбросает по дому рванину.
Ты заполнишь пространство собой,
как вода заполняет равнину.

Не оазис, а бездна любви,
растворённой в смеющемся взгляде –
разбуди меня им, оживи
ради нескольких строчек в тетради.

...Бесконечная нудная ночь –
от провидческих снов колобродишь.
Надо жить, даже если – невмочь.
Почему ж ты звонишь, но не входишь?

* * *

Она уснула – мыслями ушла
туда, где водку пьют без брудершафтов,
где взор ласкают милые ландшафты,
где шапка Мономаха – тяжела.

И я уснул – мой сон передо мною
смеялся над сумбурностью земною,
он был спокоен, зыбок и велик.
Я изо сна смотрел на женский лик,

не понимая, где я и зачем,
и почему в гудящей центрифуге
возможно выжить лишь небытием –
надмирным созерцанием друг друга.

* * *

Сумерки. Кухня. Бутылка вина
преобразила усталые лица.
В нём – озорная смешинка искрится,
в ней сумасшедшинка стала видна.

В тягостном стуке настенных часов
слышится жизни докучная проза.
Лишь прозвучит колокольчик угрозы –
каждый закроется вновь на засов.

Мысли сбиваются, ходят вразброд.
Так завершается старая эра
и наступает пора адюльтера.
Счастье? Несчастье? Да кто ж разберёт!

Чёрным катком надвигается ночь.
Брошен канат и опущены сходни.
Всё нестерпимее жар преисподней –
не обойти его, не превозмочь.

лирическое

сакс о сексе в сикс о клок
вспомнил глядя в потолок
обзвонил знакомых плакс
и вздохнул от ихних такс

* * *

Шестнадцать лет, Молдавия, весна...
Любовный яд пропитывает строчки.
Жизнь никогда не выпьется до дна,
хотя и льётся, как вино из бочки.

Полсотни с гаком, Бельгия, зима...
Уже слегка поизносилось тело,
но дна всё нет, и в доме кутерьма,
и яд любовный манит то и дело.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

В тугую пробку ввинчивая штопор,
с флюидами твоими заодно,
я замирал от терпких изотопов
духов, пьянивших больше, чем вино.

За разговором медленно-тягучим
свет провалился в чёрную дыру,
и ночь плыла, пока с небесной кручи
к нам не упало солнце поутру.

Как не сойти с ума от птичьих трелей,
когда тебе лишь двадцать с небольшим?
Мы от любви случайной одурели
на зависть соглядатаям чужим –

взлетали ввысь в любое время суток,
без парашютов опускались вниз...
Но начал мне нащёптывать рассудок,
что с безрассудством нужен компромисс,

что надо дружно жить со здоровым смыслом,
смотреть на шаг вперёд, etc.
И я отнёс к тебе на коромысле
любовь и здравость – два пустых ведра.

Потом пошёл по жизни автостопом,
кругами, будто гайка по резьбе.
В тугую пробку ввинчивая штопор,
любил жену, а думал – о тебе.

ЖАТВА

Боже мой, под пластом перегнивших лет
столько гумуса вызрело в бедной почве,
но в бокале пенится Божоле,
и душа об осени знать не хочет.

Урожай не собран, но ты живи,
кареглазая, приумножай запасы,
потому что я вечен в твоей крови,
несмотря на все мои выкрутасы.

А за осенью, как ни смешно – зима,
только скучно думать об умолоте.
Что мне жатва, когда я схожу с ума
от весенней женственности напротив?

* * *

Мушки в глазах мельтешат без конца,
в небытие отправляя друг друга.
Что остаётся? Немного винца
выпить, взбодриться и снова белугой

так зареветь, чтобы стылая ночь
стала от страха заботливо-нежной,
чтобы усталость развеялась прочь –
просто записывать строки, как прежде,

без опасения сбиться с пути,
на автомате, на взводе, на вздохе...
Вечер как вечер, но в рваной сети
вместо улова – какие-то крохи.

Всё, как обычно, лишь в доме пустом
слишком просторно, постыло, безлюдно.
Дом без любимой – какой это дом?
Выключить свет и уснуть беспробудно,

вечность лежать в ожидании дня,
вечера, ночи... конечно же, ночи.
Ты поцелуем разбудишь меня
и бесконечную жизнь напророчишь.

Парк Бовери

* * *

Фиолетовой дымкой укрылась река.
Фонари по-над краем Вселенной
растянулись, как полная грусти строка.
Одинокий прохожий плутает в веках,
не в ладах со своей ойкуменой.

Изучаешь пейзаж через лупу окна,
снизу вверх, а не слева направо –
распластавшийся город не спит допоздна,
на мужчин с верхотуры красotka-луна
смотрит вниз озорно и лукаво.

Постепенно сгущается ночь над тобой.
Лишь картинки в уме подытожишь,
как спешат сновидения шумной гурьбой.
Ты в них вовсе не ты, а гонимый толпой
тот чудака – одинокий прохожий.

звукИ

идёшь вдоль речки обратившись в слух
сирена скорой грохот мотоцикла
в вольере парка прокричал петух
прохожий громко на ребёнка цыкнул

поток машин с извечным шумом шин
гудящие вполголоса моторы
хотя б минуту посидеть в тиши
но гул вокруг но рёв но разговоры

проходишь по аллее не спеша
в карманах куртки согревая руки
ни рая нет вокруг ни шалаша
одна зима и боль в сердечном стуке

исчезнет этот неприметный звук
но мотоциклы скорые и даже
деревья будут бушевать вокруг
не замечая дырочки в пейзаже

ИВА

Плакучая ива жила, до поры
не зная, что в тёмно-зелёной пучине
скрипят вожделенно зубами бобры,
задумав из дерева сделать плотину.

Как часто, от солнца скрываясь в тени
склонившейся к водному зеркалу ивы,
я грустно лелеял ушедшие дни...
Вода у ветвей колыхалась лениво,

светило погасло, из чёрной дыры
струилось на парк наваждение ночи.
...Едва я направился к дому, бобры
запруду взялись мастерить что есть мочи.

Под утро вокруг изменился пейзаж –
от ивы остались лишь рожки да ножки.
Зубастые монстры, вошедшие в раж,
её растерзали, как зайца бульдожки.

И скучно, и грустно, и не к кому мне
податься под вечер в минуту невзгоды.
Одну только иву и вижу во сне.
А годы проходят – никчёмные годы!

БАБОЧКА

Бабочка взмахнула крыльями и сад
нехотя ответил лёгким дуновеньем
воздуха сквозь плющ и дикий виноград –
к ясеню, который враз пришёл в движение.

Вздрогнули сначала листья. Через миг
ветка покачнулась, вызвав чуть заметный,
но необратимый атмосферный сдвиг –
ветерок, пронёсшийся по кроне. Тщетно

престарелый ствол скрипел, что ни к чему
кланяться – он вскоре принялся качаться
на ветру, усилив этим кутерьму
в кронах молодых садовых домочадцев.

Вырвавшись из сада, ветер в пять минут
долетел до речки и, сметая тучи,
по долине к морю проложил маршрут,
то и дело книзу припадая с кручи.

Что случилось дальше – страшно вспоминать.
Гибельный циклон пронёсся над планетой,
а за всё про всё – поклон глубокий лету,
бабочке в саду – хвала и исполать!

ГУСИ

Потянуло ветерком, и туман над озером
улетучился в момент – как снесло бульдозером.
Стая плававших гусей замахала крыльями,
поднялась и унеслась – футов сто под киями –
по заоблачным волнам от земной юдоли.
O memento mori тут вспомнишь поневоле!
Прогоняя пятернёй хмель с лица украдкой,
я на пару со своей черновой тетрадкой
графоманствую о том, что такое вечность
и зачем придумал Бог эту быстротечность,
составляю список тем, что ещё осталось
воплотить в стихи – закат, мрак и обветшалость.
Ветер времени, тебя не загнать в бутылку,
мне никак уже не стать молодым и пылким.
Всех любовниц обойти – не собраться с силою...
Гуси-гуси! Га-га-га! Возвращайтесь, милые!

* * *

Из-под пера выходит сейсмограмма,
под Льежем тишь да божья благодать.
В любовных схватках проку нет ни грамма –
лицом к лицу лица не увидеть.

Мудреешь, брат, и только «Старый мельник»
из русского продмага на углу
разгонит сердце так, что, сбросив тельник,
мадам полюбишь прямо на полу.

«Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» –
бельгийский принц в картине ищет прок.
«Как хороши, как свежи были губы!» –
ответишь, глядя в белый потолок.

ВАЛЛОНКА

Мы её звали валлонкой. Она умерла
не от болезни, хотя и болела изрядно,
и не от старости – просто сгорела дотла.
Внук втихомолку заметил: «Досадно, но ладно».

А на поминках, под вечер, назло всем смертям,
голос раздался откуда-то из-за портьеры:
– Что ж ты, внучок, не поведал весёлым гостям,
как на наркотики тырил у бабушки евро?

Франт напомаженный лишь закусил удила.
Гости пристыженно взгляды направили долу.
Мы её звали валлонкой. Она умерла.
Внук застрелился потом. Просто так. Для прикола.

* * *

Отставной полицейский месьё Пети
закурил на балконе любимый «Винстон».
Пить без просыпа сутками взаперти –
это вам не выслеживать рецидивиста.

Пенсионная скука... Вчера жена
ни с того ни с сего закатила истерику.
Он сперва хорохорился дотемна,
но бухать перестал, а потом по телику

битый час тарашился в боевики.
Всё курил и курил, непривычно трезвый,
осознав, что жизнь заплыла за буйки
и зависла над бездной.

* * *

Вечер как вечер – прогулка без лишних затей,
рифмы в подкорке неспешно летают по кругу,
в кряканье уток вплетаются крики детей,
черноголовые гуси гоняют друг друга...

Страсти-мордасти, не хочется их ворошить.
Дни под завязку заполнены всяческой лажей –
крутишься без толку вместо того, чтобы жить,
или плетёшься куда-то с ненужной поклажей.

Всё суета... но восходит над парком звезда,
и, окрылённый учением Екклесиаста,
тянешься ввысь из родного земного гнезда,
зная нутром, что мешает излишек балласта.

* * *

Ночь за окном. Не видны поразившие утром
лужи на каждом углу и безжизненный цвет
серых небес, отдающих слегка перламутром –
зимний пейзаж, неприглядней которого нет.

В этом краю, позабывшем давно о сугробах,
«Tombe la neige» печально поёт Адамо,
лёт нескончаемый дождь от рожденья до гроба,
да и за гробом не лучше. Погода – дерьмо,

если судить с точки зрения великоросса,
я ж – малоросс, прирученный сибирской зимой.
Сон сквозь замочную скважину входит без спроса,
тихо дурманит и гонит куда-то домой.

Господи, знать бы, в каком направлении дом мой!
Взглядом обшаришь дождями промытую даль –
что ностальгия сулит мизантропу седому?
Сядешь в машину, но лень надавить на педаль.

Спишь и нутром понимаешь – не в климате счастье.
Всё преходяще – и солнце, и снег, и сугроб.
Вечны лишь Бог, пара-тройка стихов и отчасти
животворящие свойства девичьих утроб.

Влюблённые чайки Алгарве

* * *

Вот такая пошла хиромантия –
нагадаешь поесть омулей,
а за окнами вспыхнет Нормандия
желтизной бесконечных полей.

Отшуршит под колёсами прошлое
и притихнет на несколько дней.
Нынче тоже немало хорошего,
только водка намного пресней.

Ты немало постранствовал по миру.
Отдохнуть от езды – не вопрос.
Просто надо в гостиничном номере
из баула достать кальвадос,

обойтись на закуску десертами,
а потом наблюдать из-за штор,
как Моне, окружённый мольбертами,
пишет светом Руанский собор.

РИМСКИЙ ДОЖДЬ

Под утро мысли спрыгнули с насеста
и разбежались в поисках зерна,
но пищи нет, лишь тили-тили тесто –
соратница, любовница, жена
(последнее давным-давно де-юре).
Я не живу, я умер от любви.
Отель для пары – рай в миниатюре,
где вместо змея – хитрое TV.
Из глубины другого измеренья
смотрю на нас, целующихся вновь
и вновь, на сладкий миг благодворенья,
да что там приbedняться – на любовь.

По стёклам бьют увесистые капли –
ни дать ни взять мелодия цимбал.
Как часто я на собственные грабли
по молодости глупо наступал!
Гоняясь день и ночь за синей птицей,
топтал ногами дивные цветы.
Мне было проще заново родиться,
чем излечить себя от слепоты.
Так в темноте полжизни пролетело,
но повстречала странница меня –
в один момент вдохнула душу в тело,
и я прозрел от яркого огня.

Дождь-цимбалист прибавил обороты.
Целуя губы, пахнущие сном,
я погружался в сказочные гроты
без непогоды римской за окном.
Былая жизнь маячила сквозь темень,
врывались в уши чьи-то голоса,
но тщетно звали жён ушедших тени –
я позабыл давно их адреса.
В меня втекал сквозь кожу пилигрима
невыразимо чувственный покой.

Притихло всё, и только сердце Рима
чуть слышно билось под моей рукой.

* * *

Рука проходит паспортный контроль,
минуя глаз полузакрытых пустошь.
Диспетчерша растерянная, сколь
ни контролируй, все равно пропустишь!

Ты напускала бдительность. В конце
концов, казалось, не проскочишь мимо,
но отпечатки пальцев на лице
пустили руку вниз неумолимо.

Как написал бы мудрый стихоплет:
– Оставь стыдливость, милая, бог с нею!
Чем больше ты краснеешь, тем яснее,
что мы вдвоем отправимся на взлёт.

22.10.2019 г.

Рейс SN 3802 Фаро — Брюссель

ВЛЮБЛЁННЫЕ ЧАЙКИ АЛГАРВЕ

Алгарве погружалось в тишину,
прибавив день к потраченному году –
сбавляло прыть, готовилось ко сну.
Рыбацкий остров прятался поодаль.

В тот час, когда утих привычный гул,
в конце ещё одних сгоревших суток,
я на моторке вмиг перемахнул
через синевший водный промежуток.

Забывтый богом тихий уголок,
десятка два раскрашенных домишек,
а в стороне – кустарник и песок,
вода и горстка шустрых ребятишек.

И через море этого песка,
которого на Гоби бы хватило,
вела вперёд неровная строка
простого деревянного настила.

Я шёл один на гаснувший закат,
подальше от назойливого гама,
и в унисон со стрёкотом цикад
скрипел настил упруго под ногами.

Тропа петляла в сумерках, пока
не привела внезапно к океану.
Вдали чернела вышка маяка,
похожая на скол обсидиана.

Катилось солнце с неба под уклон,
от недостатка сил изнемогая.
Овальное, как выжатый лимон,
оно внизу искало чашку чая.

Пустынный пляж, казалось, отдыхал
от цепких пут наскучившего зноя,
и лучше всех ветвистых опахал
ему служила полоса прибоя.

Когда, от океана ошалев,
я снова впал в безудержное детство,
раздался то ли плач, то ли напев
с водонапорной башни по соседству.

Там чайка ворковала о любви,
мяукала то громко, то потише,
с партнёром серебристым визави,
стоявшим на карнизе красной крыши.

Нет, это был не резкий хриплый крик,
не клёкот живоглота перед дракой –
влюбившийся повеса, баловник,
пел мадригал, стонал и тихо плакал.

Шумел прибой, поскрипывал песок,
стекала с неба розовая краска,
и ангел пролетел наискосок,
обдав меня уютом детской сказки.

Вдали от суетного галдежа,
произведя в закат разведку боем,
я, как вчерашний юноша, дышал
разлившейся над островом любовью.

* * *

Крепость-каштелу – на крошечной башне Улисса
клюкву развесил подруге земляк-охламон:
– В древности в это селенье повадились лисы,
их перебили, но так и пошло - Лиссабон.

Жмурюсь от солнца, на крыши лениво взирая.
Красное море, покинув пустынный раздрай,
мир на холмах затопило от края до края.
Город как город, когда бы не жёлтый трамвай,

выплывший из-за угла, постоявший и рьяно
к небу поползший. Оставшись на башне один,
нюхаю йод, прилетающий из океана,
и ароматы обжаренных в масле сардин.

Необычайно пестро, экзотично, красиво –
так и писал бы стихи, если был бы поэт.
Вон мой отель, выходящий на площадь Россю.
Все совпадения случайны. А может и нет.

26 октября 2021 г.

Самолёт Фаро (Португалия) – Брюссель (Бельгия)

* * *

Мне повезло родиться не кретином,
в кровавый стрим не окунать весло.
Пришла идея выпасть из рутины
хоть на неделю – тоже повезло!

Но пробил час, и выстрелила пробка.
Шампанское допито до конца.
Зачем ты, жизнь, такая мизантропка?
Впускай теперь обратно беглеца.

Вокруг полно Иуд Искариотов –
сидят и греют руки у огня.
Я никогда не слушал идиотов,
но и они не слушали меня.

20 ноября 2022 г.

Аэропорт Рио-де-Жанейро, в ожидании рейса на Амстердам

ТАДЖ-МАХАЛ

Тадж махал в исступлении саблей,
доведённый до бешенства тем,
что с пришедшей доверчивой цапли
глаз своих не спускает гарем.

Где вы – молодость, жгучая сила,
красота без ненужных прикрас?
Он вдруг понял – его посетила
в виде цапли подруга Мумтаз.

Бирюзовое небо над Агрой
излучало потоки тепла,
и не мучила б эта подагра –
жизнь была б не настолько тускла.

Где то время, когда без обмана,
без ужимок и лживых гримас
опьяняла любовным дурманом
озорная супруга Мумтаз?

Будь хоть трижды Великим Моголом –
что ни ночь, то кошмарные сны.
Азраил пролетел над престолом,
и не стало любимой жены.

Что вы смотрите, дуры, на цаплю –
прямо впали в блаженный экстаз.
От бесщётных наложниц – ни капли
отлетевшего счастья с Мумтаз!

Шах кричал и ругался цветисто,
угрожал, забывался, вздыхал.
...Так на радость залётных туристов
белой сказкой возник Тадж-Махал.

СПРУТ

Женщина в сари, выцветшая, как папирус,
грустной корове протягивает еду.

По небу неумолимо катится коронавирус,
земле, погрузившейся в суетное, на беду.

– Это Бомбей! – говорит мне умная книга
(путеводители никогда не врут).

Спасибо за перелет, авиакомпания IndiGo!

К женщине щупальца тянет вирусный спрут
с неба, такого близкого и родного,
вечной обители Брахмы-творца.

Это Бомбей?

Беспристрастно жует корова,
в круге сансары не видя конца.

Это Бомбей, на лицо нацепивший маску.

В воздухе носится венценосный злодей.

Женщина в сари, напомни мне старую сказку
про не боявшихся спрута людей.

21 марта 2020 г.

Бомбей

* * *

Бывает, странствуя по свету,
в чём Дели, сразу не поймёшь.
Быть или быт? Дилемму эту
индус не ценит ни на грош.

Ему на мягком спать не жёстко,
не нужно тратить барыши.
Мурлычет жизнь, когда по шёрстке
её погладишь от души.

А ты ей в морду тычешь пальцем,
всё норовишь схватить за хвост.
Уж лучше в скит, чем быть скитальцем,
и быт не хуже, чем погост.

МАРРАКЕШ

Что за морока – плакать о Марокко,
на шутки отвечая наобум.
Морская гладь раскинулась широко –
в Остенде наступил курортный бум.

Лежишь на пляже бледный, как поганка –
попавший в рай советский человек.
Сквозь сон тебя целует марокканка –
люби её, не разжимая век.

Под вечер всё смешалось – кони, люди,
разгар загара, свальный Вавилон.
Спешит к закату солнце на верблюде,
но Марракеш берёт его в полон.

* * *

Австралийская осень сменилась бельгийской весной.
Эвкалиптовым маслом хандру прогоняет голуба.
Жизнь вошла в колею. Эманируя сиднейский зной,
загружается видео в чёрные недра ютуба.

Удивляется местный народ моему скулежу,
и любимая, кстати, ему удивляется тоже.
Я в прострации полной по мокрому парку хожу,
страусиной походкой пугая случайных прохожих.

Кенгуриное братство, мне жить без тебя нестерпёж!
Так и хочется плюнуть на всё и сбежать к антиподам,
но прикусишь язык, и стучащее сердце уймёшь,
и пойдёшь по дождю, как Христос по бушующим водам.

Альфа-Катаракта

* * *

Возьми мою суму и посох заberi –
я буду и без них слоняться до зари
по пустоши души, бессонницей гонимой.
Всё высохло внутри, а жизнь проходит мимо,
как зыбкий караван сквозь жёлтый антураж.
Мерещится вода, присмотришься – мираж.

Исчезла в вышине потухшая звезда.
Уставшее перо скрипит не без труда,
любовь перенося на белую бумагу,
чтоб я, как бедуин, живительную влагу
пролившихся стихов накапливал в горсти
и снова оживал для дальнего пути.

* * *

Не хочется меняться ни на йоту –
ломать себя, готовить летом сани.
Чем ковыряться в сломанной «Тойоте»,
я лучше буду ездить на «Ниссане».

Забить на всё – таков у нас обычай.
Курнул – и средним пальцем по окурку.
Чем флиртовать, мне проще и привычней
в Ютубе слушать «Пулю» или «Мурку».

Я вам пишу, и чувствую при этом,
как бьётся сердце – ровно и без сбоев.
Мне никогда уже не стать поэтом,
зато я был всегда самым собою.

* * *

От сырости контакты коротят,
нейроны осыпаются с извилин,
а бедный мозг рифмует всё подряд –
его на это осень вдохновила.

Ещё вчера, обласканный теплом,
не замечая времени в нирване,
шагал к окну и ахал – за стеклом
людей давно сменили марсиане.

На миг отложишь в сторону тетрадь,
возьмёшь наждак, пройдёшься по контактам,
и можно снова что-то рифмовать –
до новой связи с Альфа-Катарактой.

* * *

томятся в ящике стола незавершённые шедевры
им грош цена от силы евро давно бы надо сжечь дотла
но я за каждой запятой скребу висок и то и дело
смотрю на звёзды обалдело к земле прибитый маетой

как спрятать карту в рукаве чтобы вернулось вдохновенье
молчанье камень преткновенья давно стоящий во главе
угла дурдома «лопухи» где я бывало на коленке
за пять минут слагал нетленки что были вовсе не плохи

там верят кто во что горазд и в барабашку и в пегаса
от суеты и звёзды гаснут как объяснил еkkлeсиаст
одна отрада в терему подруга дней моих суровых
живёт и зельем поллитровым чуть ослабляет кутерьму

любить стихи тяжёлый крест быть сумасшедшим некрасиво
но с кружкой пенистого пива и ноутбуком на столе
легко обходится закон всеобщей смертности живущих
и даже козни власть имущих обогащают лексикон

мой удивительный биг бен властитель мира и разброда
включая мужа-сумасброда что над тетрадкой согбен
всели в меня исподтишка волшебных слов неискущённость
и за мою незавершённость прости родная дурака

* * *

Чернильница упала с потолка
на белый свет, слинявший в одночасье.
Писательская доля нелегка –
коньяк и одиночество. Отчасти

я сам в картине этой виноват –
летал без крыльев, стучаясь о стенки,
увёртливой судьбе наперехват.
В кромешной тьме исчезли все оттенки

добра и зла – забились вдруг синица
в руке да взмыли в небо журавли,
когда capitoлийская волчица
завыла про малину-разлюли...

Нет, я не Ромул, ищущий сосцы,
чтобы напиться вдрызг после отбоя.
Шумел камыш, звенели бубенцы.

Шли третьи сутки моего запоя.

За брусникой

К ИСТОКАМ

1

Диктор вокзальный вещает зловеще –
надо стучать на бесхозные вещи,
на подозрительных дядей и тётей,
даже на их необычный прикид,
ибо в глядящем в окно обормоте
может скрываться коварный шахид!

2

Над автостанцией грозные тучи,
сбившись в когарту, с немыслимой кручи
громко грохочут, клубятся, сверкают –
не потому ли бушуют, что я,
житель далёкого, чуждого края,
нынче вернулся в родные края?

3

Землю вращая, как маленький глобус,
мирно гудит подо мною автобус,
дремлют вокруг земляки-пассажиры,
даром что дождь куролесит вокруг.
Тоже поспать бы, но мне не до жиру –
мысли нежданно берут на испуг.

4

Станешь ли, Русь, ты гудящим Клондайком?
Выйдет ли воля закрученным гайкам?
Сгинет ли каменно-бронзовый Ленин,
сдавший сограждан в унылый колхоз?
Новая ль кровь заструится по венам,
иль помешает привычный тромбоз?

5

Вместо ответа на эти вопросы
в небе пробилась весёлая просинь,
дождь перестал и поля-перелески
вновь замелькали вдали за окном,
я же нерадостным думам в отместку
сладко забылся целительным сном.

6

В грохоте артиллерийских орудий
снились мне самые мирные люди,
честная власть, идеальный порядок,
в райском саду щебетал соловей,
а за рядами возделанных грядок
ангел промолвил: «Петруха, налей!».

7

Водка забулькала слева над ухом,
справа Петруха чихвостил непруху,
сон испарился в мгновение ока –
отяжелевший от сонма грехов,
я возвращался всё дальше к истокам
то ли судьбы, то ли этих стихов.

27 сентября 2018 г.

Ставрополь – Минеральные Воды – Санкт-Петербург

* * *

А когда мы гуляли по богом забытой тропе,
удаляясь порой от зимовья на несколько вёрст,
свет входил до подкорок, и было неважно, что пе-
рвопроходцы не мы, а какой-то бродячий прохвост,

или хмурый медведь, с перепугу рванувший наверх
по откосу, подальше от этих дебильных людей.
Ослепительный свет разливался по лесу, и смех
был подобием птичьего пения. После дождей

наступила сухая погода. В таёжной глуши
мы с тобой наконец отыскивали надёжный приют.
Три условия счастья – природа, вокруг ни души,
и глаза, от которых и в чаще исходит уют.

Но пришёл человек и расставил вокруг западни.
Мы пытались бежать, ослеплённые вспыхнувшей тьмой.
Волчья яма. Стрельба. Оскорбительный тон руготни.
Вспоминается свет, но нельзя возвратиться домой.

* * *

Хряпну стопку «Путинки» без закуси –
жаль напрасно тратить огурец..
Гой ты, Русь – ни сауны, ни джакузи,
но зато предателям трындец.

Наша баня лучше ихней сауны –
веник в ход, и ты уже не пьян.
А у них премьер с синдромом Дауна,
как сказала Рита Симоньян.

Поджимают шоры и хомутики,
что к чему – никак не разберусь,
но пока хватает мне на «Путинку»,
буду пить за Путина и Русь!

почвенно-народническое

там за синею горою где без водки нет житья
боря матом надю кроет за вихры её крутя
сиганула в щёлку кошка в конуру забился пёс
постучал сосед в окошко содрогнулся от угроз

в клубах пыли ветхий терем всё по-русски всё путём
надя воет диким зверем в лад с проснувшимся дитём
не убьёт борис подружку не найти груди белей
выпьет с горя бросит кружку сердцу станет веселей

* * *

С утра затянуло пейзаж за окном.
Спасенье – в бутылке с грузинским вином,
в неспешном искании смысла
того, что над парком нависло.
Под дождь хорошо вспоминается пляж
какой-нибудь людной Анапы –
войдёшь с кондачка в поэтический раж
и пишешь шедевры с нахрапа,

бумаге вверая излишний лиризм.
За географический детерминизм
поднимем, родная, бокалы,
на время забыв про оскалы
чужого по сути своей бытия.
Тут часто бывает несладко,
и горько порою бывает, но я
привык подниматься над схваткой,

над бытом, над ядом чужбинной воды,
над мёртвою хваткой извечной нужды –
любую бельгийскую узкость
расширит умелая русскость,
а главное – вслед за холодным дождём,
неважно, зимой или летом,
нисходит с небес вдохновение в дом,
и Муза флиртует с поэтом.

ЗА БРУСНИКОЙ

Тропа уходит вдаль по грани
прильнувших к лесу облаков.
Как много липнет всякой дряни
к подошвам старых башмаков!

То леший ухнет за пригорком,
то вглубь поманит водяной,
пока ты взглядом дальнорким
буравишь лес перед собой.

Тропой петляющей к просвету
спешишь, на лешего забив.
Давным-давно упорство это
вошло в твой жизненный актив.

Пусть в мире тонких измерений
все тропы свёрнуты в кольцо –
ведро брусники для варенья
ты гордо ставишь на крыльцо.

* * *

Амарсане Улзытуеву

Приблудный ветерок прилёт у костерка.
За краешек луны цепляются века,
на степь роняя зёрна позолоты.
Чтобы уснуть, овца считает пастухов,
как зомби, выходящих из-под лопухов
и прыгающих в топкое болото.

Затем она играет в прятки с кабаргой,
спускается к Джиде, идёт в улус Боргой,
заходит в хлев к знакомому барану...
Конечно, не красотка – мымра, но с лица
не воду пить, и с другом счастлива овца.
Бурятия, не сыпь мне соль на рану!

Создатель нажимает нежно на рычаг,
и солнце освещает пухлый солончак,
долину и отару на пригорке.
Вальсяжные, плывут над степью облака
в далёкие края, где водка не крепка,
где Забайкалье прячется в подкорке.

В стеклянном кубе

* * *

Коронавирусной весны
примета – в шуме заграницы
слова, как капли тишины,
вдруг проступают на странице.

Не «мене, текел, упарсин» –
понятнее и проще с виду,
но это мой антитоксин
для профилактики ковида.

ПОЭТ

В стеклянном кубе, наглухо закрытом
для вирусов – чтоб не прервалась жизнь! –
лежал поэт с душой-метеоритом,
и всё глядел в мерцающую высь.

Текли века, и праздные зеваки,
раскрывши рты, толпились за стеклом,
за Понт сражались с римлянами даки,
неслась Земля в космический облом,

а он, с простым блокнотом на коленях,
смотрел, не замечая кутерьмы,
в первопричину светопреставленья –
источник света, бьющего из тьмы.

В стеклянном кубе, в строгом карантине,
вдали от мерзопакостных грязнот,
он плыл сквозь время, как на бригантине –
но был, увы, пустым его блокнот.

* * *

Скрипят половицы, и кости скрипят,
и тело зудит от макушки до пят
от варварской пытки бездельем –
квартира, как тесный испанский сапог,
безжалостно жмёт, а шагнуть за порог
нельзя, и в обрыдлой постели

лежишь, поражаясь былой суете,
исчезнувшей, словно вода в решете,
лишь ропщешь порой на природу,
что нас, человекообразных скотин,
железной рукой загнала в карантин
животному миру в угоду.

Пытаясь беду от себя отвести,
сидит человеческий род взаперти
по фанзам, домам и халупам –
бухает, жуёт, напрягает мозги,
но дальше порога не видит ни зги,
и всё это, в общем-то, глупо.

Так хочется, сонный нарушив покой,
скакнуть за окно и могучей рукой
отмстить неразумным хазарам,
но надо, скрывая душевный недуг,
входить в инстаграм, телеграм и фейсбук –
чтоб там подлечиться задаром.

Каин и Абель

* * *

Сверкал на солнце век, стекая по стеклу.
Кровавая гроза давно отпыхала,
лишь ветер за окном, как дама на балу,
неистово махал раскрытым опахалом.

Я кожей ощущал, как марево огней
сменялось на глазах спокойным ровным светом,
как стылая весна теплела всё сильнее
и становилась вновь давно забытым летом.

Но вдруг вскочили с ног и зверь, и человек,
почуяв, как с высот, пугающих до жути,
спускается на них нежданно-новый век –
невзрачное фуфло на белом парашюте.

Не сразу, день за днём на смену летним дням
пришла и воцарилась пасмурная осень.
И зверь, и человек поверили брехням
о том, что в веке том – ответ на все вопросы.

Не нужен ни хурал, ни нудный либерал –
жизнь и без них вполне цветиста и когтиста,
и человека зверь, поморщившись, сожрал,
чтобы не смел мешать мечтам парашютиста.

* * *

Сыну Андрею

Ночь скользит по эдемо-арденнским грядам.
Как Адам, разбираю опять по складам
ту, что Бог сотворил без помарок
и отдал мне однажды в подарок.

Говорят, это счастье недаром дано.
Растворяюсь в прочитанном, падаю, но,
усыплённый любовным нектаром,
просыпаюсь в момент от кошмара.

Злобный Каин за дальней подлунной рекой
бьёт по Авелю мощной ракетной рукой
и кричит мне по Скайпу с нахрапу:
«Это спецоперация, папа!».

* * *

Капля дождя не оставляет следа
ни на моём окне, ни на стене собора,
но иногда сходит с ума вода –
сносит с пути мосты и заливает город

Тысячи лет катится к морю река
времени – для неё в прошлое нет возврата,
но храм Артемиды в памяти на века
связан морским узлом с именем Герострата.

Мутный поток с северной кручи на юг
ринулся, затопив спящую Украину.
Мама, проснись – умершим тоже каюк,
бомбы крушат твою кладбищенскую долину.

Вновь Герострат, злобою перегрет,
храм обругал и мстительно чиркнул спичкой.
Капля дождя решила оставить след
и по стеклу кровавой стекла водичкой.

* * *

Дождя распушенные космы шуршат под музыку грозы.
«Не беспокой напрасно космос!» – учил китайцев Лао-Цзы.
Смешно сверкающему небу грозить сердито кулаком,
и я закутываюсь в небыль на пару с верным коньяком.

Листаю сайты новостные, столбец глотая за столбцом –
как будто вновь сороковые года впиваются свинцом.
Взбесился телик, сдохла пресса, в мозгах невиданный раздор,
клеймо кровавое «агрессор» легло на русский триколор.

В родных краях чем меньше света, тем громогласней брехуны.
Над Украиною ракеты свистят под музыку войны.
«Быть эмигрантом некрасиво!» – внушает блогер между строк.
Противно, пасмурно, дождливо... Но выйдет солнце, дайте срок!

Чёрный ангел

* * *

Два подбитых крыла за плечами –
с браконьерской ухмылкой insult
о добыче судачит с врачами.
Крепость рушится без катапульт
по велению чёрного ангела,
но сдаваться никак не резон –
я смотрю безбоязненно нагло
на гудящий у стен гарнизон,
потому что – пиит-сочинитель –
попадавший не раз в переплёт,
убеждён, что мой ангел-хранитель
скажет сросшимся крыльям: «На взлёт!».

* * *

Пришедший в этот мир из ниоткуда,
я удивлённо щурился на свет.
Вокруг меня шумели пересуды
о том, что в тёмной жизни счастья нет.

Протестовать, по сути, не умея,
я горько плакал в мамино лицо
(возможно, был типичным Водолеем).
Потом вдвоём мы вышли на крыльцо

и разошлись с больничным захолустьем.
Февраль, позёмка, ветрено, темно...
Мы шли на свет, мне было очень грустно,
и маме тоже было не смешно.

Давным-давно, наперекор запретам,
я отогнал до срока темноту.
Теперь живу, залитый ярким светом,
но если рассказать начистоту,

пришедший в этот мир из ниоткуда,
я до сих пор не знаю, почему
огонь, в моём мерцающем сосуде,
не может навсегда рассеять тьму.

* * *

Мараешь чистые страницы,
пока во тьму не ухнет свет.
Душа обязана трудиться
и в том краю, где тела нет.

С телепатическим азартом
внимает месяц тишине.
Налево – квинта спорит с квартой,
направо – ямб опять в цене.

Усталость после сабантуя...
Не жизнь, а блики в кутерьме,
и я с телесностью рифмую
бесплотность, спящую во тьме.

* * *

Кто живёт расторопно, а кто – неумело.
Знал бы прикуп – давно бы устроил дела.
Говорят, что опять промахнулся Акела.
Эх, судьбинушка, ухнем – была не была!

В главном храме рублёвская «Троица» плачет –
благодать покупается длинным рублём.
Пожелайте, друзья, мне немного удачи –
на серванте повестка, а прятаться влом.

Только вот незадача – страшит перепутье.
Где скрывается истина, вот в чём вопрос?
Слева новый завет проповедует Путин.
Справа прутиком что-то рисует Христос.

* * *

Давным-давно уже немолод,
хотя ещё совсем не стар,
я пережил и серп, и молот,
и коммунизм, и солнцедар.

В те годы плебсу на потребу
считался розой пустоцвет.
Нам симулякры вместо хлеба
давали часто на обед.

Блажен, кто век прожил в надежде.
Гектар в докладе, а не акр,
и вместо солнца, как и прежде,
сияет тусклый симулякр.

* * *

никогда не знаешь точно что скрывается вдали
то ли рай реки молочной то ли ад конца земли
сколько крыльев мотыльковых на огнях обожжено
сколько дурней бестолковых безнадёжно влюблено

был и я когда-то дурнем сам не знал куда иду
там шепнём туда засунем так и жил всегда в чаду
опыт братцы между делом потушил в глазах огни
стал я умным стал я смелым ошалел от беготни

в относительном достатке дни сгорают без следа
только что в сухом остатке та же глупость как тогда
псевдомудрость червоточна все философы ввали
никогда не знаешь точно что скрывается вдали

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Бобышев. Слово об авторе 3

Время летучих мышей 7

Игра 7

«Над вспыхнувшей геранью паутина...» 8

«Лето прошло в ожидании лета...» 9

«Но, стало быть, мозги не утекли...» 10

Время летучих мышей 11

«Я дроблю пространство на маленькие острова...» 13

«Давно уж за полсотни, но в мозгу...» 14

«Сгорает век. Стеснительно и робко...» 15

«И умный, и дурак – потомки Иафета...» 16

«Запорошило звёздной пылью...» 17

«Коты проходят косяками...» 18

«Окружённый котами, рифмами и мечтами...» 19

Спасительный редут 20

«Ты мне передала весёлую беспечность...» 20

«Через десять-пятнадцать минут...» 21

«Она уснула – мыслями ушла...» 23

«Сумерки. Кухня. Бутылка вина...» 22

лирическое 25

«Шестнадцать лет, Молдавия, весна...» 24

Здравый смысл 26

Жатва 27

«Мушки в глазах мельтешат без конца...» 28

Парк Бовери 29

«Фиолетовой дымкой укрылась река...» 29

звуки 30

Ива 31

Бабочка 32

Гуси 33

«Из-под пера выходит сейсмограмма...» 34

Валлонка 35

«Отставной полицейский месё Пети...» 36

«Вечер как вечер – прогулка без лишних затей...»	37
«Ночь за окном. Не видны поразившие утром...»	38
Влюблённые чайки Алгарве	39
«Вот такая пошла хиромантия...»	39
Римский дождь	40
«Рука проходит паспортный контроль...»	42
Влюблённые чайки Алгарве	43
«Крепость-каштелу – на крошечной башне Улисса...»	45
«Мне повезло родиться не кретином...»	46
Тадж-Махал.....	47
Спрут	48
«Бывает, странствуя по свету...»	49
Марракеш.....	50
«Австралийская осень сменилась бельгийской весной...»	51
Альфа-Катаракта.....	52
«Возьми мою суму и посох заberi...»	52
«Не хочется меняться ни на йоту...»	53
«От сырости контакты коротят...»	54
«томятся в ящике стола незавершённые шедевры...»	55
«Чернильница упала с потолка...»	56
За брусничкой	57
К истокам	57
«А когда мы гуляли по богом забытой тропе...»	59
«Хряпну стопку «Путинки» без закуси...»	60
почвенно-народническое	61
«С утра затянуло пейзаж за окном...»	62
За брусничкой	63
«Приблудный ветерок прилёт у костерка...»	64
В стеклянном кубе.....	65
«Коронавирусной весны...»	65
Поэт	66
«Скрипят половицы, и кости скрипят...»	67

Каин и Авель 68

«Сверкал на солнце век, стекая по стеклу...» 68

«Ночь скользит по эдемо-арденнским грядам...» 69

«Капля дождя не оставляет следа...» 70

«Дождя распушенные космы шуршат под музыку грозы...» 71

Чёрный ангел 72

«Два подбитых крыла за плечами...» 72

«Пришедший в этот мир из ниоткуда...» 73

«Марашь чистые страницы...» 74

«Кто живёт расторопно, а кто – неумело...» 75

«Давным-давно уже немолод...» 76

«никогда не знаешь точно что скрывается вдали...» 77

Литературно-художественное издание

МЕЛЬНИК
Александр Васильевич

Время летучих мышей

Книга стихотворений